

Е. В. Пчелов
(Москва)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГЕРАЛЬДИКА РОССИИ В КОНЦЕ 1660-х – НАЧАЛЕ 1670-х ГОДОВ: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ И ЕГО ПРИЧИНЫ

Занимаясь историей русской государственной символики и геральдики XVII века, невозможно не обратить внимания на очевидную хронологическую концентрацию некоторых памятников, которые несут на себе изображения государственных и титульных эмблем. Такой период, в частности, охватывает вторую половину 1660-х – первую половину 1670-х годов, то есть последнее десятилетие царствования Алексея Михайловича. Первым официальным геральдическим предметом этого времени можно считать так называемое гербовое (или «гербовное») знамя, сделанное по царскому указу от 13 октября 1665 года¹. В историографии бытуют разные датировки создания этого знамени, тем не менее, согласно документам, оно было закончено в июне 1666 году и потом еще дописывалось в сентябре. На полотнище знамени была надпись: «Написася сие знамя в лето 71.. апреля в 10 день». Однако Л. П. Яковлев интерпретировал год как 7186-й, то есть 1678-й, что противоречит всем сохранившимся документам (включая и упоминания этого знамени в первой половине 1670-х годов). Получалось, таким образом, что знамя еще доделывалось даже после смерти Алексея Михайловича, и эта явно ошибочная дата нашла распространение в научной литературе. На самом деле две последние цифры надписи не читаются, а «в самой рукописи есть более поздняя помета: 7176 (1668)»². Между тем, и эта дата противоречит сведениям о строении данного знамени. Если же принять, что на знамени был обозначен 7174 год, то есть 1666-й, когда знамя и было, очевидно, закончено, то дата 10 апреля снова оказывается малообъяснимой, ибо работа над знаменем велась и позже этого срока (предполагалось закончить его к Пасхе, которая в 1666 году приходилась на 15 апреля). Как бы то ни было, ясно, что знамя делалось в 1665–1666 годах.

Согласно указу, оно должно было заменить «знамя Спасова Образа Нерукотворенного, которой бывает в походах перед ним, Великим Государем»³. Это знамя тоже сохранилось в собрании Оружейной палаты: оно было создано в 1653–1654 годах для походов во время войны с Речью Посполитой, в которых лично участвовал царь (знамя возили перед государем)⁴. На этом знамени вышито изображение Спаса Нерукотворного в окружении четырех херувимов и звезд, а в откосе знамени представлены еще шесть херувимов и серафимов. Знамя сопровождало Алексея Михайловича в первых походах войны, когда были одержаны значительные победы, в том числе взяты Смоленск, Полоцк, Вильна и др. Гербовое же знамя представляло собой принципиально новое с точки зрения знаменной иконографии явление. Центральное место на нем занимали не православные, а государственные символы и образы. В центре средника был помещен

российский герб (двуглавый орел с ездоком на груди) в том варианте, который как раз сложился в период войны с Речью Посполитой. Под орлом представлена панорама Москвы с изображением Кремля, а в углах средника в клеймах – четыре титульных герба: новгородский, казанский, астраханский и сибирский (их порядок: справа – сверху и внизу и слева – сверху и внизу соответственно). На кайме знамени непосредственно над орлом в клейме изображен благословляющий Спас Вседержитель, по бокам которого два восьмиконечных креста на пятиступенчатых возвышениях (образы Голгофы). В верхнем клейме на кайме у древка – текст о кресте, дарующем победу над врагами (подобно кресту Константина). Этим и ограничивается христианская символика знамени. Спас как бы благословляет Москву и все Российское царство, увенчивая композицию с государственным гербом. Остальная символика и надписи посвящены царскому титулу, воспроизведенному на знамени полностью текстуально и частично эмблематически (а также, по-видимому, в клеймах помещались и изображения соответствующих городов). Рисунок знамени создавал «живописного дела мастер» Оружейной палаты Станислав Лопуцкий, который и расписывал знамя вместе с помощниками (в том числе рисовал и гербы). Всего на знамени должно было быть изображено 12 титульных гербов, или, точнее, «печатей»: новгородская, казанская, астраханская, сибирская, псковская, тверская, пермская, вятская, болгарская, нижегородская, рязанская и ростовская. По описи 1687 года на знамени также помещались «гербы» владимирский и киевский, однако же никаких следов их изображений на знамени нет, и здесь, по-видимому, имелись в виду просто обозначения титулов (владимирский и киевский гербы впервые появляются только в «Титулярнике» 1672 года). В то же время на знамени помещен еще герб смоленский (пушка с сидящей на ней какой-то фигурой – возможно, будущей райской птицей), а в описании 1671 года указано, что на знамени «четырнадцать печатей в гербах», то есть, по-видимому, посчитан еще и двуглавый орел (или ездец на его груди). Таким образом, знамя 1665–1666 годов можно считать первым русским государевым знаменем, на котором присутствовали и государственный, и титульные гербы.

Тем самым, безусловно, демонстрировался высокий статус русского государя в его сравнительно новом титульном воплощении – знамя носило подчеркнуто государственный, а не чисто религиозный характер. Такое внимание к полному титулу и его визуальному воплощению было, конечно, связано с теми принципиальными изменениями, которые произошли в царской титулатуре в период войны. Так, уже с 1652 года в титуле присутствуют слова «Великия и Малыя Русии самодержец», с 1654 года – наименования «Киевский», «Черниговский», «Полоцкий» (вторично, после времени Ивана IV), «Мстиславский» и «Великия, Малыя и Белья Русии самодержец», с 1655 года – «Великий князь Литовский», «Волынский», «Подольский» (часть этих обозначений позднее была утрачена)⁵. Вслед за новым титулом, в котором также появилась пышная заключительная часть, обосновывающая права московских государей на новоприсоединенные земли Малой и Белой Руси, – «и многих государств и земель восточных и западных и северных отчич и дедич и наследник и государь и обладатель», – изменилось и изображение герба на государственных печатях. Впервые эти изменения фиксируются уже на печати, которая скрепила жалованную грамоту Богдану Хмельницкому от 27 марта 1654 года. Далее это изображение было помещено на печать Малороссийского приказа, учрежденного в 1662 году. А затем стало присутствовать и на государственной печати Алексея Михайловича, по крайней мере начиная с первой половины 1667 года. Так, в тексте

наказа, данного переводчику Посольского приказа Василию Боушу при отправлении его с царскими грамотами к бранденбургскому курфюрсту и курляндскому герцогу от 4 июня 1667 года, уже содержится описание и объяснение герба на печати⁶. Главными отличиями от предшествующего варианта государственного герба здесь были поднятые крылья орла и регалии (скипетр и держава) в его лапах. Именно такой орел украсил и гербовое знамя 1665–1666 годов.

Помимо государственного герба на знамени помещались также и титульные гербы, чьи изображения продолжали предшествующую иконографическую традицию, представленную, в частности, на таких памятниках, как саадачные покровцы времен Михаила Федоровича и Алексея Михайловича⁷. Единственным дополнением стало изображение смоленского герба с пушкой, который ранее в титульной геральдике не встречался. Оставляя в стороне всевозможные многочисленные домыслы о его происхождении, основывавшиеся в том числе на неверно интерпретированных источниках, таких как пресловутое «смоленское пуло», следует признать, что этот герб был создан, по-видимому, в России, уже после взятия Смоленска в 1654 году, и наличие пушки в нем со всей очевидностью объясняется самим этим фактом. Расположенное же над пушкой нечто неопределенное в более поздних изображениях смоленского герба представляет собой птицу, детали которой, впрочем, в разных памятниках различаются.

Само по себе гербовое знамя Алексея Михайловича, воспроизводившее пышную титулатуру царя, сложившуюся в годы войны, отличалось особой торжественностью и было призвано подчеркнуть величие государственной власти. В этом отношении данный памятник до некоторой степени напоминает Большую печать Ивана Грозного конца 1570-х годов, которая также была создана в годы масштабной – Ливонской – войны, имевшей схожее идеологическое истолкование (присоединение «отчинных земель») и даже совпадавшей по некоторым своим результатам (взятие Полоцка) с войной Алексея Михайловича. Печать Ивана Грозного, на которой впервые были представлены титульные печати-гербы и которая носила подчеркнуто религиозно-государственный характер (Голгофские кресты, увенчивающие изображение государственного герба), также призвана была продемонстрировать присоединение новых земель, произошедшее под божественным покровительством, и новый, более высокий статус царя с воспроизведением его полного титула. То же самое видим и на гербовом знамени Алексея Михайловича. Те же причины появления, те же обстоятельства, тот же способ репрезентации и тот же смысл.

В 1667 году, вскоре после окончания войны (Андрусовское перемирие с Речью Посполитой было заключено 30 января 1667 года), произошло очень важное событие – официальное объявление наследником престола царевича Алексея Алексеевича (1654–1670). Оно было приурочено к наступлению нового, 7176 года, то есть торжественная церемония состоялась 1 сентября. Царевичу было всего 13 лет, и, конечно, это событие имело причиной не наступление какого-либо определенного возраста наследника, а завершение масштабной войны, ставшей главным звеном в царственных деяниях Алексея Михайловича. Для царевича по царскому указу от 18 февраля 1667 года в мастерских Оружейного приказа Дмитрием Астафьевым, Прокофием Андреевым и иноземцем Андреем Елисеевым был сделан саадачный прибор (поднесен царевичу 12 апреля 1667 года, на Пасхальной неделе)⁸. Замечательным образом шитые изображения на нем соотносятся с изображениями на знамени. На налуче саадака можно видеть панораму

Москвы с Кремлем, над нею в картуше – двуглавого орла с поднятыми крыльями (но без регалий в лапах и ездеца на груди), а вокруг и снизу – семь картушей с титульными гербами: новгородским, казанским, астраханским, сибирским, псковским, тверским и пермским. На колчане – еще два клейма с гербами: рязанским и смоленским. Изображения этих титульных эмблем идентичны их же изображениям на знамени, за исключением сибирской, в которой вместо дерева между соболями помещена стрела острием вниз. Смоленская же эмблема представляет собой изображение пушки, но без птицы на ней (надо заметить, что и на знамени птица, если это птица, конечно, выглядит весьма неопределенно). Панорама Москвы с Кремлем заставляет думать, что знамя 1665–1666 годов и саadak 1667 года составляют в этом отношении единую изобразительную традицию (хотя в деталях государственного герба преемственности не наблюдается).

Она была продолжена и следующим саадачным прибором, созданным уже для самого царя Алексея Михайловича мастерами под началом, опять же, Прокофия Андреева к Пасхе, то есть к 30 марта 1673 года⁹. Здесь на налуче снова помещался вид Кремля, а над ним – изображение двуглавого орла в картуше (с поднятыми крыльями, но без регалий в лапах и ездеца на груди, и даже увенчанного одной короной) – подобно композиции на саадаке 1667 года и на знамени 1665–1666 годов. В других картушах изображались титульные гербы, но с пропуском астраханского, а именно: новгородский, казанский, псковский, сибирский, тверской, пермский, а на колчане – рязанский и смоленский. Их изображение повторяли соответствующие изображения саадака 1667 года (та же стрела в сибирском гербе и пушка без всяких «обременяющих» ее сверху деталей в смоленском), но в новгородском были помещены не две, а три рыбы (что находит соответствие в недатированном «Описании печатей царя Алексея Михайловича»¹⁰). Итак, эмблематические изображения на гербовом знамени 1665–1666 годов нашли свое продолжение на саадаках 1667 и 1673 годов.

В том же 1667 году было положено начало русскому флоту – 19 июня датируется царский указ о строительстве кораблей «для посылок из Астрахани на Хвалынское море», то есть для плаваний по Каспийскому морю для обеспечения русской торговли в этом регионе¹¹. Местом строительства кораблей стало село Дединово на Оке. Голландец Ян ван Сведен, занимавшийся организацией этой работы, представил в том же году подробную роспись «что надо к корабельному строению»; среди прочего она включала в себя 243 аршина киндяков (хлопчатобумажных тканей) на пошив четырех корабельных знамен, «а цветами те все киндяки, как великий государь укажет; только на кораблях бывает, которого государства корабль, того государства бывает и знамя». Кроме того, предполагалось получить и 155 аршинов тафт (шелковых тканей) «на знамена ж, для украшения корабля; под которое государство бывает кораблю пристань, в то время те знамена распускают; а на тех знаменах писать, что великий государь укажет»¹². В этих словах росписи речь шла, собственно, о государственных флагах, которые должны были быть подняты на корабле в знак его принадлежности определенной стране. 9 апреля 1668 года была «послана память в Сибирский приказ, велено прислать из меновых товаров триста десять аршин киндяков да сто пятьдесят аршин тафт черчатых (так! – Е. П.), белых, лазоревых, к корабельному делу на знамена и на яловчики (то есть вымпелы. – Е. П.)»¹³. Так были определены цвета материй – черчатый, то есть красный, белый и лазоревый, то есть голубой, следовательно, установлена цветовая гамма будущего российского флага. Как выглядели пошитые флаги – вопрос дискуссионный,

однако важным идентифицирующим признаком были не столько их цвета (и их расположение), сколько двуглавые орлы, которые по указу от 24 апреля 1669 года велено было «нашивать» на знаменах и на еловчиках¹⁴. Иными словами, в 1667–1669 году, опять-таки после окончания войны, был сделан важный шаг в международной репрезентации Русского царства, вызвавший также попытку создания первого государственного флага, который должен был нести на себе изображение государственного орла (и сам корабль по изображениям орлов на носу и корме получил название «Орел»).

Итак, ко второй половине 1660-х годов относятся важнейшие события и явления в области геральдической и эмблематической репрезентации Московского царства, причем эта репрезентация носит очевидный государственный характер: формируется новое изображение государственного герба, окончательно воплотившееся в печати 1667 года, создаются новое царское парадное знамя (1665–1666 годов) и новые саадачные приборы для царя и царевича (1667, 1673 годов)¹⁵, на которых помимо государственного орла присутствует геральдическое воплощение территориального царского титула, наконец, определяется символика первого русского корабля и возникает первый вариант государственного флага (1668–1669 годов).

Следующим шагом на пути развития этого процесса можно считать создание «Царского титулярника» – «Большой Государевой книги или Корня российских государей», работа над которой велась в Посольском приказе с конца 1671 года. 23 мая 1672 года «Титулярник» был поднесен Алексею Михайловичу, а затем, в том же году, с его первого экземпляра были сделаны две копии – лично для царя (этот экземпляр хранится ныне в собрании Государственного Эрмитажа) и для царевича Федора Алексеевича, нового наследника престола после смерти царевича Алексея в 1670 году (этот экземпляр ныне находится в коллекции Российской национальной библиотеки)¹⁶. Помимо двуглавого орла и рисунков государственной и других печатей в «Титулярнике» представлены 33 титульных герба, в том числе несколько абсолютно новых (киевский, владимирский и новые варианты таких гербов, как, например, черниговский или югорский).

При сравнении титульных гербов в «Титулярнике» с их прототипами обнаруживается интересная закономерность. Во многих случаях в гербы добавлена христианская символика. Так, в новгородском гербе появились трисвечник (по сути, трикирий) и крест, к тому же перекрещенный с посохом, астраханскую корону-венец увенчал крест, в сибирском гербе форму х-образного креста приобрели перекрещенные стрелы, в псковском добавилась выходящая из облаков благословляющая рука, точно так же как в сибирском, х-образно перекрещены копья в югорском гербе, в пермском медведя увенчало евангелие с крестом, в вятском был добавлен крест к выходящей из облаков руке с луком и стрелами, в болгарском в лапе зверя появилась хоругвь, увенчанная крестом, и с полотнищем, на котором также изображен крест, в лапе черниговского орла, опять же, помещен крест, полумесяц под крестом увенчивает двух перекрещенных рыб в белозерском гербе, крестообразно соединенные стрелы присутствуют также в гербах Иверской и Кабардинской земель. Наконец, новые волынский и подольский гербы также включали изображения крестов, киевский герб и вовсе представлял собой изображение архангела, а в лапах владимирского льва также размещался большой крест. Общее количество титульных гербов, в которых так или иначе присутствует христианская символика (основной формой которой был крест), равняется 19, то есть составляет почти 2/3 от их общего числа. Возможно, что тот же христианский подтекст повлиял и на изображение

смоленского герба, где сидящая на пушке птица своим внешним видом близка именно птице *райской*. Можно с уверенностью сказать, что кодификация изображений титульных гербов, осуществленная в «Титулярнике», не только опиралась на предшествующую традицию русской титульной геральдики, но и существенно усилила в ней христианскую символику. Московское царство воспринималось прежде всего царством православным, и эта идеологема нашла свое воплощение в системе его геральдической репрезентации. Кстати, этот христианский подтекст прекрасно выражен в геральдических виршах 1670-х годов на гербы «Титулярника», частично сохранившихся¹⁷.

Однако «Титулярник» не сразу стал образцом для последующих геральдических изображений. Так, на золотой, украшенной эмалью тарели, которую сделал для царя Алексея Михайловича мастер Юрий Фробос в 1675 году, в изображениях титульных гербов объединены как бы и новации «Титулярника», и предшествующая ему иконографическая традиция¹⁸.

Таким образом, в истории государственной символики России период 1660-х – начала 1670-х годов занимает особое место. Первопричиной кардинальных изменений с полной уверенностью можно считать войну с Речью Посполитой 1654–1667 годов, которая воспринималась русской стороной как отвоевание «отчины и дедины» и которая привела к присоединению новых территорий, а следовательно, и имела победные для Русского царства результаты. Уже в самый начальный период войны стремительно поменялся царский титул, достигнув нового, более высокого, торжественного и пышного статуса. Параллельно титулу начало изменяться изображение государственного орла – этот процесс завершился созданием новой государственной печати в 1667 году. Вторым этапом стало создание новых царских регалий, которые делались константинопольскими греками и подчеркивали тем самым духовную и государственную преемственность России от Византии (из этих регалий до нашего времени дошли: саадок 1656 года, скипетр и посох 1658 года, бармы, держава и наперсный крест 1662 года; уже вне греческого «следа», но, тем не менее, в том же контексте создания новых регалий можно рассматривать и дарение Алексею Михайловичу алмазного трона в 1660 году)¹⁹. Наконец, третий этап символической «идеологии» был связан с успешным завершением войны. Он вылился в создание ряда церемониальных предметов с изображениями титульных гербов, то есть эмблематической визуализацией полного царского титула (знамя 1665–1666 годов, саадаки 1667 и 1673 годов), и разработкой первого государственного флага (на корабле «Орел», предназначенного для «международных» плаваний) в 1668–1669 годах. Завершающей точкой в этом процессе можно считать кодификацию титульных гербов в «Титулярнике» 1672 года, то есть окончательное завершение формирования системы визуальной репрезентации царской власти во всей полноте ее «титульного» величия. При этом, если во второй половине 1660-х годов на первый план в этом процессе выходила светская, кратологическая семантика, то в «Титулярнике» она была усилена христианской символикой. В этом виде государственная и титульная геральдика России сохранилась до петровских реформ.

¹ Яковлев А. П. Русские старинные знамена. М., 1865. [Ч.] 2. С. 32–35; Голованова М. П. Знамена второй половины XVI – XX века. Т. 1 : Знамена второй половины XVI –

начала XVIII века : каталог собрания. М., 2019. № 11. С. 74–78.

² Голованова М. П. Указ. соч. С. 77.

³ Яковлев А. П. Указ. соч. С. 34.

- ⁴ Голованова М. П. Указ. соч. № 2. С. 34–39.
- ⁵ Пчелов Е. В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. 2010. № 1. С. 5.
- ⁶ Подробнее см.: Пчелов Е. В. Государственная печать Алексея Михайловича 1667 г.: к 350-летию герба Московского царства // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 147–158.
- ⁷ Об этой традиции см.: Пчелов Е. В. Титульная геральдика России в царствование Михаила Федоровича // ТГЭ. [Г.] 104 : Геральдика: исследования и практика : материалы научной конференции 20–22 февраля 2020 года. СПб., 2021. С. 54–59.
- ⁸ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. М., 1885. С. 330, 331.
- ⁹ Там же. С. 327, 328.
- ¹⁰ Подробнее см.: Пчелов Е. В. «Описание печатей Алексея Михайловича» и титульная геральдика Московского царства // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2019 года : материалы докладов и сообщений. М., 2019. С. 190–194.
- ¹¹ Дополнения к актам историческим. Т. 5. СПб., 1853. С. 211.
- ¹² Там же. С. 219, 220.
- ¹³ Там же. С. 253.
- ¹⁴ Там же. С. 274.
- ¹⁵ Здесь важно подчеркнуть, что саадаки подобного уровня выполняли роль официальных царских военных регалий. В 1667 году был создан и саадак для царя.
- ¹⁶ Подробнее см.: Пчелов Е. В. Изображения титульных гербов России в различных экземплярах царского «Титулярника» // ТГЭ. [Г.] 102 : Геральдика: исследования и практика : материалы научной конференции 20–22 февраля 2019 года. СПб., 2020. С. 9–19.
- ¹⁷ Nilsson N. A. Russian Heraldic Virsi from the 17th Century. A Manuscript in the Diocesan and County Library at Västerås, Sweden. Stockholm ; Göteborg ; Uppsala, 1964.
- ¹⁸ См. подробнее: Пчелов Е. В. Несомненное мастерство и геральдическое «невежество» Юрия Фробоса (тарель 1675 г. из собрания Оружейной палаты: эмблемы и символы) // Ювелирное искусство и материальная культура : сборник статей. СПб., 2015. С. 62–66.
- ¹⁹ См.: Бобровницкая И. А., Мартынова М. В. Регалии российских государей и другие атрибуты великокняжеского и царского сана XIV–XVII веков : каталог собрания. М., 2018. № 12. С. 121–126 (скипетр датирован М. В. Мартыновой 1638 годом, с чем мне не кажется возможным согласиться). № 15. С. 134–143. № 16. С. 145, 146. № 17. С. 146–151. № 29. С. 190–207. № 44. С. 270, 271.